

Мобильный 2003

Марат ГЕЛЬМАН:

Настало время одинок

Почему известный галерист и политтехнолог ушел с Первого канала

— Марат Александрович, давно хотела вас спросить: жизнь — это пиар?

— Ну почему же. Просто иногда отсутствие содержания заменяется пиаром. Примерно так же, как в России СМИ взяли на себя функции гражданского общества. Плохо, что нет гражданского общества? Конечно, плохо. Хорошо, что СМИ в свое время взяли на себя его функцию? По-моему, хорошо. Но долго так продолжаться не может, нужно строить гражданские институты.

— Скажите, как вы, либеральный галерист, стали идеологом главного бюрократического канала страны? Где вы нашли грань между искусством и политтехнологией?

— Дело в том, что в искусстве я реализую себя в своей самости. Называю галереею своим именем, делаю какие-то вещи, идентичные мне в целом. Политконсультированием я занимался исключительно как способом заработать деньги. Так же, как юрист становится адвокатом. А работа на Первом канале меня привлекала совсем другим. Я с 94-го года не работал в большой структуре, чувствовал изъятый опыт и хотел попробовать. Мне было интересно, если хотите, побыть чиновником с некоторой творческой составляющей.

— Руководство Первого канала говорит о том, что довольно вашими результатами, и тем не менее вы ушли.

— Я ушел не потому, что результаты кого-то не устраивали. По большому счету политика на телевидении кончилась, и мне там делать больше нечего. Кончилась та политика, которая требовала какого-то аналитического обслуживания. Теперь вся политика сводится к тому, кто насколько информирован в тайных позициях и расстановке сил. При таком раскладе моя роль заместителя генерального грозила превращением в совсем уж чиновника. Но это, во-первых, не сильно мне интересно, а во-вторых, это не моя сильная сторона. Решать более или менее сложные интеллектуальные задачи — вот это мое. А власть сегодня все больше проблем решает силовым способом.

— В ближайшие четыре года политтехнологи не понадобятся?

— В том смысле, в котором я этим занимался, власти не нужно. Есть более эффективные меры... В ситуации, когда оппозиции не существует как таковой, усиливается диссидентство. Они не претендуют на власть, они власть критикуют. Диссиденты — это трава истории, они выполняют важную задачу, но никогда не станут реальной силой против существующей власти. Можно вспомнить людей, которые были знаковыми для диссидентства, но при этом не занимались политической как таковой, — тот же Сахаров... Мое решение вернуться в искусство не является полным уходом от политики, сейчас время одиночек. А художник — это одиночка по определению. И успешный художественный проект для страны, для политики может быть важнее, чем попытка создать квазиопозицию.

— Вот вы говорите, что политика на телевидении кончилась. Это потому, что политика отгородилась от телевидения, ушла в другую плоскость, или, наоборот, телевидение отошло от политики?

— Речь надо вести не о телевидении, а в целом о стране. В отсутствие оппозиции весь драматизм борьбы уходит в борьбу персоналий внутри партии власти. А публичная

политика превращается в булгаковщину. Кандидаты в президенты переносятся из одной страны в другую. Коты-охранники вешают по телевидению. Когда я двигался из искусства в сторону политики, мне казалось, что из мира ненастоящих страстей, где очаг нарисованный, я попадаю в реальный мир, где творится история и решаются существенные вопросы. Но когда выборы президента становятся фарсом, понимаешь, что в искусстве политики может быть больше, чем в реальной жизни. Я называю политикой какую-то содержательную работу. А у нас есть власть, но политика как реальная борьба за власть отсутствует.

— Пиарить некого и незачем, игра свершилась?

— По крайней мере с этими личностями — да, свершилась. Новые люди могут появиться в той среде, которая может себе позволить быть не только несогласной с властью, но и быть против народа, поддерживающего президента во всем. В отличие от политики, который зависит от избирателя, художник может противопоставить себя большинству. Мне кажется, что эти новые люди, новая политика появятся вне существующих сегодня политических институтов. Искусство, наука... Бизнес — вряд ли, потому что он зависит от власти.

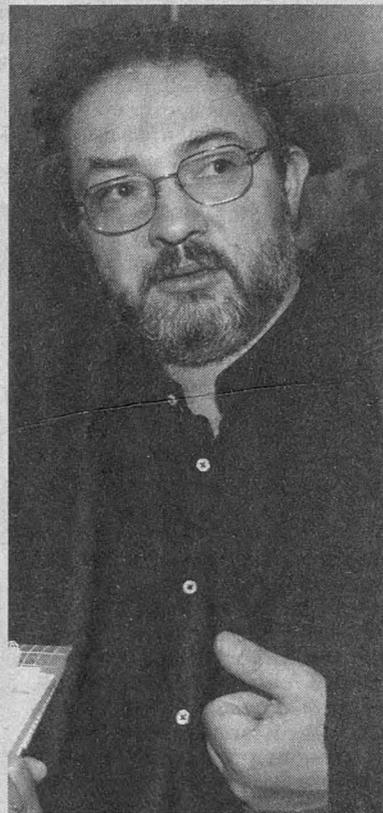
— Телевидение — это политический инструмент, который может привести политика к власти или растоптать его, когда надо?

— Да, действительно. Инструмент, доказавший свою эффективность, может стать субъектом политики. Но для этого надо, чтобы журналисты осознали свои интересы. По большому счету это и означает построение гражданского общества, когда каждая социальная группа осознает свои интересы и пытается их защищать. Сегодня, по моему мнению, задача не в том, чтобы кого-то привести к власти, а кого-то растоптать, а том, чтобы сохранить демократическую процедуру. Выборы президента превратились в клоунаду, но это не повод подвергать сомнению сам институт выборов. Парламентские процедуры редуцированы, но это не повод для совмещения постов председателей комитетов и министров. Надо помнить, что авторитарный режим устанавливается только любимыми правителями.

— Телевидение отражает запросы населения, конвертирует любовь народа к президенту. Но есть и другая сторона — прямая пропаганда. Населению внушают, что оно любит президента.

— Телевидение — это инструмент. Дебатам только на нашем канале отдали 21 час. На трех каналах — 63 часа в прайм-тайм. Пожалуй, «конвертируйте» свою нелюбовь к Путину. Но получилось то, что получилось. И это доказывает тезис: телевидение — инструмент. Когда запросов в обществе нет, само по себе телевидение ничего не значит.

— Как считаете, есть у нас в стране шансы у негосударственного теле-

PhotoXPress

видения? Или телевидение должно быть государственным?

— Частный владелец управляет непосредственно, а государство — это и президент, и парламент, и правительство, и Совет Федерации — они все хотят влиять. В этом смысле свободы на Первом канале больше, чем было на НТВ времен Гусинского. Что бы кто ни говорил, сотруднику Первого канала легче сохранить себя, чем сотруднику НТВ. Другой вопрос, что сейчас везде существует заданность упрощения всего, что происходит. И это связано не с тем, что каналы государственные, а с тем, что государство упрощается, политика упрощается. Потому что исчезает разновалентность — это факт. У нас есть факт: президент, который нравился всем, мне в том числе. И его высокий рейтинг — это мощный политический фактор, деформирующий ситуацию, в том числе и на телевидении.

— Как вы прокомментируете то, что власть укрепляет свои позиции на Первом канале? Скоро в состав совета директоров войдет министр печати Михаил Лесин...

— Я бы не хотел это комментировать. Хотя понятно, что это значит. «Битва титанов» будет.

— Как вы считаете, можно говорить о зачистке медийного поля?

— В некотором смысле можно говорить о том, что это поле выпрямилось, то есть оно стало более упрощенным. Ельцин хотел построить под себя СМИ гораздо более страстно, чем это делает Путин. Это у него не получалось, Ельцин не обладал такой популярностью. Любая власть хочет подчинить себе СМИ и сделать их более лояльными. Ельцин хотел выпрямить СМИ под себя, а при Путине они сами выпрямляются.

● Беседовала Надежда ПРУСЕНКОВА